

Acht Tage Revolution

Ein dokumentarisches

Journal aus Minsk

Artur Klinaŭ

edition suhrkamp

SV

Artur Klinaŭ

Eight Days of Revolution

A Documentary Journal from Minsk

(Original Russian title: Восемь дней революции.

Документальный дневник

Translated German title: Acht Tage Revolution.

Ein dokumentarisches Journal aus Minsk)

approx. 150 pages, Paperback

Expected publication date: 21 November 2021

© Suhrkamp Verlag Berlin 2021

Sample translation by Sasha Razor

In the corridor, I found my daughter with other prisoners. Two guards accompanied them. The first thing I did was ask Marta how she was doing. It turned out that they spent their first night in the Akrestina prison. In comparison to that place, the detention facility on Skaryna street felt like a resort. Marta's general appearance was cheerful, and she even made some jokes. Her optimism may have been a result of her being hopeful. According to the younger guard, the first trial had already taken place today and the young woman was released after paying a fine. Therefore, it was likely that the rest would be released as well.

Natalya and our lawyer appeared soon after. By that time, a rather large group of parents had gathered in the corridor. The girls who were also going to be tried today looked very young, as if they had just graduated from high school. My daughter was the oldest in the group. Another fifteen minutes passed, and we were invited into the trial room.

There were only Marta, myself, Natalya and the lawyer left in the large empty hall. Then I noticed another person sitting in the back. As it turned out later, it was an observer from a human rights organization that always tried to have their people appear in such hearings. Minutes of waiting went by in agony. There was a podium in front of us with an imposing judge's table and three high-back chairs. On the side, there was a cage for the most dangerous offenders and a secretary's table.

I have always been a fan of Kafka. In my youth, I was captivated by his novel *The Trial*. I then read *America* and *The Castle*, as well as a parable about a man named Gregor, who once awoke as an insect. It's hard for me to say what I liked best about Kafka then. Perhaps it wasn't the plot or style after all. Later, I understood what was going on. Unlike any other author, Kafka was able to grasp the reality in which we lived. There are seventy years plus two thousand miles separating

the interwar Europe and the USSR in the early 1980s. But both then and on the eve of the collapse of the Soviet Empire, the sense of reality remained the same: the essence of meaning condensed to several drops. A permanent monotonous catastrophe. An era of a long-term disintegration of Europe, empires, old values, and traditions, which began at the dawn of the twentieth century. At its end, there is a collapse of great social ideas and collective illusions. New meanings begin to appear and coexist with the old ones, not in harmony and not even in discord, but in an absurd coexistence, in an absurd assemblage of everything with everything. Gregor transforms into a beetle, but does not cease to be human.

In the early 1990s, there was a feeling that Kafka was no longer alive, and that his reality was no longer relevant. Nonetheless, this feeling returned, and returned quickly. Truth isn't for everyone. Many fragments of the former Soviet Empire survived a brief shock and went on their own way. Not us, however.

Kafka? Do you know if the Old Man has read him? I don't think so. I am afraid he wouldn't have enjoyed it should he have read it. However, if there were a Kafka award, he probably would've won it for 'being a living embodiment of Kafka.' The entirety of the dictator's work is an attempt to prolong the disintegration process for another 26 years.

In Kafkaesque reality, the disaster must be made permanent. If a person dies, people normally would bury the corpse as soon as possible, decorate the gravesite with a memorial sign, and move on. The Old Man, however, spent this time embalming, applying makeup, and dressing the corpse in new clothes. The conditions he created led to the long and painful decomposition of the dead, while everyone around felt immersed in awkward and uttermost absurdity. Perhaps that's why the Old Man chose his colors—red and green—which, no matter how hard you try to mix them, always end up brown, accompanied by this unbearable stench of decay.

Even so, the corpse of the Soviet Empire could not be preserved forever on a single stump. The new signs and meanings of reality could not be stopped. The two parallel worlds began their absurd coexistence, totally disconnected and indifferent to each other.

In our Trial, we have now witnessed a fragment of such a Kafkaesque reality. The judge who does not decide anything. It is the Castle that provides all the verdicts for him. Immediately before the announcement of the verdict, he would go into the next room and pick up the receiver of the black ebony telephone, which had been there since the days of Stalin. Someone on the other end of the line, a man he's never met, would announce the verdict in a monotonous, colorless voice.

Furthermore, there are attorneys who do not influence anything. Theoretically, they should have been abolished altogether. In addition to being more honest and right, it would have saved the family of the accused money. However, in this scenario, the composition principle of absurdity would have been violated, so that wouldn't have been possible. These attorneys practically served as envoys, sent from a parallel universe.

Then there's the accused who is completely innocent. However, this does not justify him or her in any way. The fact that he or she is on trial implies they must be guilty. There will definitely be evidence of this. As soon as the secretary entered the conference room, another essential element in this process was underway. The room was once again quiet when she took a seat at the table. Initially, I thought that the judge would appear right away, but I was mistaken. The whole *mise-en-scène* had to be made theatrical by spending time flipping through papers and creaking a ballpoint pen.

The slowness of this reality was in stark contrast to the world outside. There were about three thousand arrests on the first night, and it's unknown how many were made today, but probably a lot. Courts are now supposed to be like factory conveyor belts, moving continuously in three full shifts. But even in the parking lot, I noticed the Palace of Justice was empty. Almost no cars were parked near the multistory building that housed three district courts at once. Inside, the situation was the same. The sounds of footsteps echoed through the empty halls and long corridors. It almost felt like there was only one trial throughout the day, which was the trial of Marta.

The conveyor belt, they say, is now working differently due to the pandemic. Those arrested are tried via Skype, without having to leave their prison. This is another absurd intersection between the new reality and the old system. There is no coronavirus, on the one hand. According to the Old Man, he does not see it. Statistics for sick workers, which the Ministry of Health bashfully submitted, fell within the margin of error. But the virus still exists when it's beneficial, because it's certainly more convenient to judge prisoners right in their cells. Witnesses for the accused are not allowed, and you can't even invite a lawyer as a decorative accessory. Back in the day, Stalin had a similar setup—the chief, secretary, and prosecutor. However, Stalin's Troika is still too many people for a Skype trial and can be brought down to just prosecutor and defendant.

But that would've looked like a dictatorship, simple, chic, and unadulterated. We, on the other hand, still continue to live in a postmodern dictatorship. Therefore, at least the facade of decorum must be observed. Marta's trial was such a facade. Due to some strange reason, she wasn't tried in prison, but at the Palace of Justice. Could it be because she was set for release later that day? I was beginning to lean toward this idea more and more. Had they been judged in prison, they would still be there. The fact that they were brought outside showed that it was required by someone.

Suppose the ebony phone rang in the morning, and a certain Castle clerk monotonously read out the names of those slated for release today. No, not because they are innocent, or someone at the top feels empathy. It's just that prisons are full. Extra people are not needed in an overcrowded place. In addition, these girls, by and large, do not pose a serious threat to the community. It is more profitable to take money as a ransom from their parents. It won't hurt to add two hundred or three hundred dollars to the budget. Furthermore, they won't need to be fed, guarded, or provided with bedding. As the same young guard looked into the hall, he said, "Everyone will be released today." Marta immediately cheered up, and everyone in the hall followed suit. She turned to me and said: "Anything but going back there again!"

Finally, the secretary came to life and exclaimed: “Everyone, stand up! The trial is about to begin!” Then he entered...

I don’t even know how to phrase it better: him or it? Considering the gender, it must be him. But if we are referring to a kind of hybrid human-insect, then yes, it is it, the creature. However, it wasn’t Gregor, with whom both the author and reader empathize. Gregor did not choose to become an insect. In this case, the opposite is true. In order to become an arthropod, this person has been continuously destroying everything human in himself. The monster was building up his armor so that he would not feel pain, adding tentacles, and lengthening his mustache so that he would resemble his master.

Upon meeting his gaze, I realized that this *Scarabaeus nasicornis* would not let anyone go free that day. His black mantle, too, reminded me of a carnivorous beetle, resembling wings and a carapace. But this demonic image, in a way, was a little flimsy. The judge’s uniform, the mantle, resembled the workshop master in a Soviet school, a black worker’s robe. Was it, perhaps, conceived that way? So that the notion of inevitable reeducation by labor would occur to the defendants immediately?

Then things went as they should with Kafka. In his speech, the “chief” invoked two “witnesses” and two police officers, two Petr Petrovichs and two Ivan Ivanychs. According to the first set, Marta interfered with the election commission’s work, standing on the stairs fifty meters away from them. I think she must have made an extremely unpleasant resonating sound in their ear. According to the second, she resisted arrest and yelled obscenities at the officers, revealing the extreme disrespect that she held towards them.

The judge refused to summon prosecution witnesses to the trial, stating that the Petr Petrovichs were working at the time, and the Ivan Ivanychs were not from Minsk at all. His tone was haughty and rude, resembling a rhino beetle who was trying to crush a midge with its might. Marta was also spoken to. Along with cynicism and hollowness, the judge’s dull eyes exhibited irritation. Clearly, he was extremely nervous about what was happening in the country. A beautiful brown canvas, which he had become so familiar with, in which he blended so perfectly that he could only be seen by his shell and horns, and even then, only in the slanting rays of the sunset, now in great danger... A group of people who have appeared out of nowhere are poking him with a stick, causing a great deal of confusion for not only arthropods, but also for the rest of the creatures in this landscape. They shout, intimidate, provoke, build barricades, and threaten to overturn the entire established world order.

The beetle (not Gregor) refused to go along with any of the suggestions the lawyer made: ask for defense witnesses, take time out from the meeting to provide additional evidence. The explanations of Marta and the arguments of common sense failed to influence him, for instance, that she could not possibly have affected the work of Petr Petrovichs because she couldn’t enter the site. The same equally applied to the second incident—her resistance to the Ivan Ivanovichs, which consisted of asking unknown people in civilian clothes to identify themselves.

Twenty-five minutes was all it took. The “not Gregor” soon got up and retreated to make a decision. Even though he already knew it, he was not allowed to announce it until a voice in the black ebony receiver affirmed it in his empty office.

Another long stretch of minutes passed. Marta seemed to be worried. I didn’t want to upset her, and I thought that we still could hope. If a miracle should happen, the castle would say: “Not guilty!” or maybe: “Guilty, but given the circumstances of the pandemic, punish with a fine!” The people who remain at the top must have some common sense.

However, the miracle didn’t happen. The black ebony voice said: “Lock her up!” Find her guilty on all counts and give seven days of arrest for the first offence and eight for the second, a total of fifteen.

My eyes were fixed on Marta. Even though she tried to hold it together, it was obvious that it was difficult for her. She was hoping up to the last moment. In the corridor, we found other girls still waiting for their trial. The young guard from the regional detention facility, who had reassured us before the meeting, said in an embarrassed voice that if we had brought some things, then now would be the time to hand them over. I rushed to my car and brought the bag as quickly as I could. Sadly, it turned out that not everything could be transferred—the bag with clothes would be taken away. Marta could only take with her what she could put on right then.

I tried cheering her up with a few words. She quickly put on some warmer clothes. A few moments later, the escorts brought Marta down the stairs to the Volkswagen prison van that was waiting in the parking lot.

Fifteen days isn’t that long, of course. The purpose of punishment, however, is not to punish physically, but to humiliate. Unlike the Soviet-time facilities, these ‘administrative’ prisons do not have even a minimal standard of living: walking areas, bed, TV, hot water, letters, a library. It only took a couple of days to make a person feel like an animal. During the two weeks he or she spent in an unsanitary barn, filthy mattresses infested with lice full of sucked blood were their only privileges. For it is a great sin to disrespect the Old Man’s creation. You won’t be shot for this, but you will be punished with bestial humiliation in order to avoid confusion in the future.

When I went out to the car, the prison van was still there. The same human escort informed me that they would be here for another thirty minutes, so if I wanted to go to the store and buy some food, I could, but only what could be eaten on the spot. Thinking about how these children had been fed in recent days, I dashed to the nearest grocery store. On my return, I only managed to pass a small parcel before the prison van went out of sight around the bend.

Восемь дней революции. Документальный дневник

Я застал дочь в коридоре вместе с другими задержанными. При них находилось два конвоира. Я тут же стал расспрашивать Марту, как она себя чувствует. Оказалось, что первую ночь они все же провели в тюрьме на Окрестина. После неё, районный ИВС на Скарыны показался ей санаторием. В целом выглядела она достаточно бодро и даже шутила. Возможно, оптимизма ей придавала надежда. Один из конвоиров помоложе сказал, что первое рассмотрение сегодня уже было и девочку там отпустили, выписали только штраф. Так что скорее всего выпустят и остальных.

Вскоре появилась Наталья и наш адвокат. К тому времени в коридоре собралась уже довольно большая группа из родителей. Те несколько девочек, которых сегодня также собирались судить, выглядели совсем еще юными, как будто они недавно закончили школу. Моя дочь была самой старшей из них. Прошло еще минут пятнадцать и нас пригласили на процесс.

Марта, я, Наталья и адвокат и остались одни в большом пустом зале. Вскоре я заметил еще одного человека, который сидел сзади. Как потом оказалось, это был наблюдатель от правозащитных организаций, которые стараются всегда посылать людей на такие суды. Потянулись томительные минуты ожидания. Напротив рядов для публики, где мы сидели, стоял подиум, а на нем внушительный стол для судьи и три высоких кресла. Отдельно по бокам находилась большая клетка для особо опасных и стол секретаря.

Я всегда любил Кафку. Еще в юности меня восхитил его роман «Процесс». Потом я прочел и «Америку», и «Замок», и конечно, удивительную притчу про человека по имени Грегор, который однажды проснулся насекомым. Мне сложно ответить, что тогда больше всего мне понравилось в Кафке. Наверно, все же не стиль и не сюжет. Позже я понял в чем дело. Он как никто смог уловить реальность, в которой мы жили. Хотя между его предвоенной Европой и началом восьмидесятых в СССР разница в семьдесят лет, плюс пространственная отстраненность длиной в две тысячи миль. Но ощущение реальности, её выжатый до состояния нескольких капель смысл, тогда и накануне распада Советской Империи остался прежним. Реальность, как перманентная монотонная катастрофа. Долгий процесс распада Европы, Империй, старых смыслов, ценностей, уклада жизни в начале двадцатого века. И крушение великих социальных идей и коллективных иллюзий в его конце. И в то же время приход новых смыслов, которые начинают одновременно сосуществовать вместе с прежними, но не в гармонии и даже не во вражде, а в абсурдном сожитии, в сочетании несочетаемого, в странном ассамбляже всего со всем. Грегор превращается в жука, но не перестаёт быть человеком.

В начале девяностых появилось ощущение, что Кафка ушел, его реальности больше нет. Но она очень быстро вернулась. Правда не ко всем. Многие осколки

бывшей Советской Империи пережили короткий шок и двинулись своим путем. Но только не мы.

Не знаю, читал ли Батяка Кафку? Думаю, нет. А если б прочитал, боюсь, ему бы вряд ли понравилось. Но если бы существовал орден: «За воплощение «Кафки» в жизнь», он бы удостоился его первый. Все его произведение – это и есть попытка затянуть процесс распада еще на двадцать шесть лет. Сделать катастрофу перманентной. Если тело умерло, лучше побыстрее его закопать, поставить памятный знак и жить дальше. Но Батяка начал его бальзамировать, припудривать, наводить косметику, рядить в новые одежды. Он создал условия, чтобы разложение умершего шло как можно более долго и мучительно, а все вокруг испытывали неловкость и чувствовали полнейший абсурд. Может потому Батяка и выбирает такие цвета, которые, как не смешай, все равно выйдет коричневый. А кроме того – вонь, невыносимая вонь разложения.

Однако законсервировать навсегда труп Советской Империи на отдельно взятом ее обрубке Он тоже не в силах. Смыслы и знаки новой реальности остановить невозможно. Тогда они начинают сосуществовать в абсурдном сожитии, два параллельных мира, отстранённых и равнодушных друг к другу.

Этот «Процесс», на котором мы сейчас присутствовали был фрагментом такой кафкианской реальности. Судья, который ничего не решал. Все вердикты за него выносили в «Замке». Перед оглашением приговора, он выйдет в соседнюю комнату и поднимет трубку черного, стоящего здесь еще со сталинских времен, эбонитового телефона. И кто-то там на другом конце провода, человек, которого он никогда в жизни не видел, монотонным бесцветным голосом огласит приговор.

Адвокат, который ни на что не влияет. По идее их следовало вообще упразднить. Это было бы правильней и честней, к тому же заметно сэкономило бы родственникам обвиняемого деньги. Но тогда бы нарушалась композиция абсурда. Адвокат должен быть, как представитель из параллельного мира.

Есть еще обвиняемый, который ничего не совершал. Но это вовсе не повод, чтобы его оправдать. Раз он здесь оказался, значит он в чем-то наверняка виновен. А доказательства непременно найдутся.

Вскоре в зал заседаний вошла секретарь, еще один необходимый элемент процесса. Она заняла свое место за столом, и снова все стихло. Я уже было подумал, что сейчас появится и судья, но ошибся. Видимо, для театральной красоты всей мизансцены следовало потянуть время, монотонно по перелистывать бумаги, по скрипеть шариковой ручкой.

Эта неспешность как-то сильно контрастировала с реальностью за окном. Если в первую ночь было арестовано около трёх тысяч человек, и не известно сколько, но наверняка много – сегодня, то сейчас суды должны работать, как фабричные конвейеры, без остановки в три смены. Однако то, что Дворец Правосудия пуст, я заметил еще на парковке. У многоэтажного здания, в котором располагали суды сразу трех городских районов, почти не стояло машин. Тоже наблюдалось и внутри. Пустые фойе и длинные коридоры резонировали от шагов гулким эхом. Складывалось впечатление, что процесс над Мартой, единственный за весь день.

Правда, поговаривали что в связи с эпидемией, конвейер сейчас работает по-другому. Арестованных судят по скайпу, не вывозя из тюрем. Еще одно абсурдное соитие новой реальности и старой системы. С одной стороны, никакого коронавируса нет. Батяка же официально заявил, что его не видит. А те цифры по заболевшим, которые стыдливо подает Минздрав, находятся в пределах статистической погрешности. С другой стороны, когда это выгодно, он существует. Конечно, судить заключенных прямо в камерах гораздо удобней. Туда и свидетелей обвиняемого не вызовешь и даже декоративного адвоката не пригласишь. Похожее уже было при Сталине – начальник, секретарь и прокурор. Впрочем, для скайпа и «тройка» – за много. Можно и упростить: подсудимый и прокурор.

Правда, тогда это уже бы смахивало на чистую диктатуру. Стильную, простую и без примесей. А у нас все же диктатура эпохи постмодернизма. Поэтому хотя бы декорации должны присутствовать. Процесс над Мартой и был такой декорацией. Ей почему-то не стали выносить приговор в тюрьме, а привезли во Дворец Правосудия. Может потому, что ее сегодня отпустят? Я все больше и больше начинал склоняться к этой мысли. Если б судили в тюрьме, то там бы и оставили. А раз привезли, значит кому-то это нужно.

А вдруг эбонитовый телефон еще утром зазвонил, и некий клерк из Замка монотонно зачитал, кого следует сегодня отпустить. Нет, не по соображениям невинности и гуманизма. Просто в тюрьмах уже нет мест. Они переполнены и никакого смысла держать там лишних людей. Тем более этих девочек, которые по большому счету, серьезной угрозы не представляют. Да и выгодней взять с их родителей выкуп деньгами. Двести-триста долларов лишними для бюджета не будут. А так их придется еще и кормить, охранять, снабжать постельными принадлежностями. Вот уже и тот же молодой конвоир, заглянув в зал, еще раз сказал, что всех сегодня отпустят. Марта сразу заметно повеселела, а следом и все, кто находился в зале. Повернувшись ко мне, она сказала: «Все что угодно, только не сутки!»

И тут секретарь, наконец-то ожив, воскликнула звонким голосом: «Всем встать! Суд идет!». И он вошел ...

Я даже не знаю, как правильней, сказать: он, или оно? Если судить по полу, то он. Если речь о inferнальном существе, некоем гибриде человека с насекомым, то оно. Но это был не Грегор. Его и автору, и читателю жалко. Грегор не по своей воле стал насекомым. Тут же скорее наоборот. Человек долгие года сам упорно убивал в себе все человеческое, чтобы превратиться в членистоногого. Наращивал себе панцирь, чтобы не чувствовать своей и чужой боли, пришивал дополнительные лапы, удлинял усы, чтобы иметь больше сходства с хозяином.

Я встретился с ним взглядом и сразу понял, этот *Scarabaeus nasicornis* никого сегодня на свободу не отпустит. Сходство с плотоядным жуком придавала и черная мантия. С одной стороны, она выглядела, как крылья и панцирь. С другой, немного приземляла демонический образ. В ней судья отчасти походил на мастера по трудовому воспитанию в советской школе. Пошита мантия была по какому-то странному фасону, поэтому напоминала черный рабочий халат. Впрочем, может так и было задумано? Мысль о неизбежном перевоспитании трудом должна была возникать у подсудимого сразу же только от одного вида судьи.

Далее все пошло, как и положено, у Кафки. «Начальник» зачитал показания двух «свидетелей» и двух милиционеров, двух Петров Петровичей и двух Иван Иванычей. Первые утверждали, что Марта сидя на лестнице за пятьдесят метров от избирательной комиссии, мешала их работе. Возможно, отсылала им некие тайные и крайне неприятно резонирующие в ухе сигналы. Вторые, что она сопротивлялась при задержании, ругалась матом, всем видом выявляя крайнее неуважение к работникам органов правопорядка.

На просьбу адвоката вызвать свидетелей обвинения на процесс, судья ответил отказом, сославшись на то, что Петры Петровичи сейчас на работе, а Иван Иванычи и вовсе не из Минска. Разговаривал он с адвокатом очень надменно и грубо, будто жук-носорог пытался мелкую мошкату задавить своей властью. Также он общался и к Марте. Присутствовало в его тусклых глазах, кроме цинизма и пустоты, еще раздражение. Было заметно, что все, что сейчас происходит в стране его крайне нервирует. Это прекрасное коричневое полотно, с которым он сжился, в которое он так прекрасно вписался, с которым он слился так, что стал почти неразличимым и заметить его можно лишь по панцирю и рогу, да и то в косых лучах заката, теперь в большой опасности. Некие неизвестно откуда взявшиеся люди теребят его палкой, чем вызывают жуткое смятение не только членистоногих, но и всех прочих тварей поселившихся в картине. Они чего-то требуют, кричат, будоражат, строят баррикады, грозя опрокинуть в хаос весь устоявшийся миропорядок.

На все что ни предлагала адвокат: пригласить свидетелей защиты, сделать перерыв в заседании, чтобы подать дополнительные доказательства невиновности, жук (не Грегор) отвечал отказом. Не подействовали на него, как объяснения Марты, так и аргументы здравого смысла, что она никак не могла мешать работе Петров Петровичей, потому что на участок её не пускали, и ей

приходилось сидеть возле. Так и факт по второму эпизоду – сопротивлению Иван Иванычам, которое заключалось лишь в том, что она попросила неизвестных людей в гражданской одежде представиться.

Процесс длился не долго, минут двадцать пять. Вскоре «не Грегор» встал и удалился для принятия решения. Оно и так уже было известно, но все равно он не имел права его озвучить, до того, как подойдет к черному эбонитовому аппарату в пустом кабинете и услышит чей-то утвердительный голос из Замка.

Снова потянулись долгие минуты. Я заметил, как Марта распереживалась. Я не хотел ее огорчать, но думаю у неё ещё теплилась надежда. А вдруг случится чудо и голос из Замка произнесет: «Не виновен!». Или: «Виновен, но учитывая обстоятельства пандемии и угрозу заражения в тюрьмах, наказать штрафом!». Должны же там наверху еще сохраниться остатки здравого смысла.

Но чуда не случилось. Черный эбонитовый голос сказал: «Посадить!». Признать виновной по всем пунктам и, соответственно, по первому дать семь суток ареста и восемь по второму, итого в сумме пятнадцать.

Я взглянул на Марту. Она старалась держаться, но было заметно, это ей давалось с трудом. Все же она до последнего момента надеялась. Мы вышли из зала в коридор к другим девочкам, которые еще только ожидали суда. Молодой конвоир из районного ИВС, который перед заседанием нас обнадежил, с легким смущением в голосе сообщил, что если мы привезли какие-то вещи, то самый момент их сейчас передать. Я по-быстрому кинулся к машине, и принес приготовленную сумку. Правда, оказалось, что передать можно не все – сумку с вещами в тюрьме заберут. Можно было взять только то, что Марта на себя сразу наденет.

Я перекинулся с ней несколькими словами, пытаюсь приободрить. Мы по-быстрому выбрали какие-то вещи потеплей, и она их одела. Вскоре конвоиры повели Марту по лестнице вниз к воронку «фольксваген», который ожидал на стоянке.

Конечно, пятнадцать суток срок не долгий. Но процесс наказания устроен так, чтобы не столько наказать физически, сколько унижить. Эти «административные» тюрьмы были даже не советскими зонами, где у заключенного имелись хоть какие-то права и минимальные условия: прогулки, постель, телевизор, горячая вода, письма, библиотека. Здесь же все было обустроено так, чтобы человек хоть на несколько дней почувствовал себя животным. Пожил две недели в антисанитарии в грязном хлеву на обсосанных матрасах вместе со вшами, лишенный даже минимальных человеческих привилегий. Проявить неуважение к батькиному творению – великий грех. За это не расстреляешь, но наказать скотским унижением нужно, чтобы впредь не повадно было.

Когда я спустился к машине, «воронок» все также стоял на площадке. Я подошел, и все тот же человеческий конвоир мне сообщил, что они будут здесь еще минут тридцать, поэтому я могу сбегать в магазин и купить какие-нибудь продукты, но опять же по минимуму, только то, что можно съесть на месте. Представляя[MOU1], как кормили этих детей в последние дни, я пулей кинулся к ближайшему гастроному.

Вернувшись, я только и успел передать небольшую собойку, как «воронок» тронулся и исчез за поворотом.